

ния «Дружество» Бартенев так определил его хронологию: «До 1815 <года>, ибо только в этом году в февр<але> в Вест<нике> Евр<опы> напечатан Ахилл Жуковского, вызванный этою пиесою». Действительно, баллада «Ахилл» Жуковского появилась в февральском (четвертом) номере «Вестника Европы» за 1815 г., а стихотворение Батюшкова «Дружество» — во втором номере «С.-Петербургского вестника» за 1812 г.; таким образом, батюшковское стихотворение в самом деле было написано до 1815 г. Однако никак нельзя утверждать, что баллада «Ахилл» Жуковского возникла под влиянием «Дружества» Батюшкова. Правда, в батюшковском стихотворении упоминается «младый Ахилл, великодушный воин, бессмертный образец героев и друзей», а в балладе Жуковского Ахилл думает о своем друге Патрокле. Но этого еще далеко не достаточно, чтобы серьезно говорить о влиянии, на котором настаивал Бартенев, тем более, что баллада Жуковского включает в себе помимо грустных мечтательно-сентиментальных мотивов общеизвестные мотивы «Илиады» Гомера и других древнегреческих мифов о Трое ⁴.

Зато существенна заметка Бартенева об эпиграмме Батюшкова «Всегдашний гость, мучитель мой...», являющейся довольно близким переводом эпиграммы французского поэта Экушара Лебрена «O, la maudite compagnie...». Теперь можно считать установленным, в кого метил Батюшков, переводя эту эпиграмму. До сих пор предполагалось, что Батюшков направлял ее против какого-то писателя-пишковиста, прописчески названного им Балдусом ⁵. Но, как оказывается, адресат эпиграммы Батюшкова вряд ли имел отношение к литературной жизни. Против этой эпиграммы Бартенев написал на полях чернилами: «Турбин, учитель в Смольном мон<астыре> надоедал Тургеневу» (очевидно, приятелю Батюшкова Александру Ивановичу Тургеневу). А под стихотворением Бартенев написал карандашом: «Учитель в Смольном, к<оторый> надоед<ал> Тургеневу св<оим> приходом».

Но самое важное в заметках Бартенева — написанные карандашом варианты двух ярких и значительных стихотворений Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов...» и так называемого «Изречения Мельхиседека» («Ты знаешь, что изрек...»). Под обоими стихотворениями Бартенев написал: «Поправки по указанию Блудова». Это делает приводимые Бартеневым варианты особенно ценными, так как арзамасец Д. Н. Блудов был одним из близких друзей Батюшкова. Поэт познакомился с Блудовым еще в 1812 г. в Петербурге, и их дружба продолжалась до самого конца творческого пути Батюшкова. Именно Блудов произнес ответную речь на вступительную арзамасскую речь Батюшкова и утверждал, что уже при основании общества «имя Ахилла ⁶ загремело в устах арзамасцев и один сей торжественный звук попятил ряды полков враждебных» ⁷. Блудов верно и интересно оценивал творчество Батюшкова. Так, он писал И. И. Дмитриеву из Лондона: «Ирландцы с упрямством и запальчивостью ставят выше всех своего земляка Мура, которого мы, арзамасцы, могли бы назвать английским Батюшковым» ⁸. Сам Батюшков, любивший живость и остроумие арзамасца Блудова, говорил о нем, что это «ослепительный фейерверк ума» ⁹.

Изучая варианты стихотворения «Есть наслаждение и в дикости лесов...», надо прежде всего вспомнить, что это стихотворение, представляю-

⁴ См. примечания Н. В. Измайлова к «Стихотворениям» Жуковского. Л., 1956. стр. 813.

⁵ См. наши примечания к Полному собранию стихотворений Батюшкова. М.—Л., 1964, стр. 328.

⁶ Ахилл — арзамасское прозвище Батюшкова.

⁷ Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933, стр. 242.

⁸ Письмо от 25 марта (6 апреля) 1820 г. (Ег. К о в а л е н с к и й. Граф Блудов и его время. СПб., 1866, стр. 236).

⁹ Батюшков — Вяземскому, 13 сентября 1817 г. (Б а т ю ш к о в К. Н. Сочинения, СПб., 1886, т. III, стр. 468).